

Переселенческое законодательство как фактор экономического развития крестьянского хозяйства Приморской области второй половины XIX в.

Ярослав Александрович Барбенко
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, prohist@ya.ru

Аннотация. Многие аспекты жизни Приморской области регулировалась системой переселенческих законов, складывавшейся на протяжении всего дореволюционного времени. Автор рассмотрел нормы переселения в свете хозяйственной практики переселенцев и практики управления начальным хозяйственным обустройством переселенцев. Было установлено, что многие из особенностей переселенческого законодательства, ориентированные на заполнение территории, конфликтовали с интересами экономического развития хозяйства переселенцев и развития региона в целом. Важным условием особенностей экономического развития области были многочисленные отступления от норм переселенческого законодательства.

Ключевые слова: *Приамурье, Приморская область, экономическое развитие, переселение, крестьяне-переселенцы*

Для цитирования: Барбенко Я. А. Переселенческое законодательство как фактор экономического развития крестьянского хозяйства Приморской области второй половины XIX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2. С. 87–98. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/87-98>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/87-98>

Resettlement Legislation as a Factor in the Development of the Peasant Economy of the Maritime Province during the Latter Half of the XIXth Century

Yaroslav Aleksandrovich Barbenko
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, prohist@ya.ru

Abstract. The life in Maritime Province were regulated by the system of resettlement laws, which took shape throughout the whole pre-revolutionary period. Author considered the norms of resettlement in the light of the economic practice of immigrant settlers and practice of initial household management. It was found that many of the features of the resettlement legislation, focused on filling the territory, conflicted with the interests of the economic development of the resettlement economy and had a negative impact on the development of the back settlers household economy and the regional development. An important condition for the peculiarities of the economic development of the region were numerous deviations from the norms of resettlement legislation.

Key words: *Amur Region, Maritime Province, economic development, resettlement, resettling peasants*

For citation: Barbenko Ya. A. Resettlement Legislation as a Factor in the Development of the Peasant Economy of the Maritime Province during the Latter Half of the XIXth Century // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 2. P. 87–98. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/87-98>

Введение

Колонизация и освоение южной части Дальнего Востока, начавшись в XVII в., до сих пор остаются реальностью России. Несмотря на столь длительный срок, набор средств колонизации долгое время был на удивление невелик: все они главным образом сводились к военным. Остроги казаков-первопроходцев XVII в. и военные посты XIX в. являлись для правительства точками опоры в регионе. Вместе с тем неэффективность только лишь военных (и смежных с ними) средств освоения региона была очевидной. Поэтому гражданские переселенцы стали не просто желанной персоной, но время от времени приобретали в глазах правительства, в том числе и военных, принципиальное значение для судеб региона.

Одним из эпизодов пересечения военно-стратегического интереса и гражданских ресурсов удержания территории является опыт переселения крестьян в Приамурье во второй половине XIX в. Уже в ходе обороны тихоокеанского побережья во время Крымской войны генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев заботится о доставке на Амур вместе с войсками мирных жителей для достижения военно-политических целей [6, с. 415]. После данного случая администрация региона (а это были военные) не раз обращалась к крестьянам-переселенцам как ресурсу, используя который можно достичь

военно-политических результатов; это особенно ярко проявилось в мотивации морского переселения с начала 80-х гг. [30, с. 73–74]. Однако в какой степени совместимы интересы военной безопасности и мирное хозяйственное развитие региона? То, что переселение мирных жителей может иметь значение для судеб войн (а лучше – мира), дальневосточная история показала нам вполне. Но может ли военно-политический интерес (и его политико-управленческие следствия) служить достаточным основанием для эффективного развития гражданской жизни на новом месте? Способна ли переселенческая политика, вдохновлённая интересами военных, служить опорой экономического развития региона?

Предмет и структура исследования. Предмет исследования – эффективность нормативной части переселенческой политики (правил переселения крестьян) как одного из факторов экономического развития крестьянского переселенческого хозяйства. Задачи исследования: а) выявить показатели развития крестьянских хозяйств; б) установить отношения между особенностями нормативной системы переселения крестьян и показателями развития крестьянских хозяйств; в) оценить влияние норм переселения на сельскохозяйственное развитие Приморской области вт. пол. XIX в. с точки зрения развития хозяйства крестьян-переселенцев.

Хронологические и географические рамки исследования. Исследование опирается на материал крестьянского переселения в Приморскую область с 1855 по 1900 гг. Именно в это время происходит формирование на Дальнем Востоке т. н. "старожильческого" крестьянства (см. [24]), несшего тяжесть первого опыта ведения хозяйства в Приамурье. В этот период правительство, местные власти активно экспериментировали с условиями переселения крестьян, как нормативными, так и практическими. Менялись не только формальные условия и требования к переселенцам, но также пробовались разные способы доставки людей на Дальний Восток, по-разному складывались отношения между переселенцами и другими группами (в т. ч. иноэтничными) населения. Всё это оказывало влияние на организацию хозяйства переселенцев, его эффективность, в конечном итоге на темпы и направления развития экономики региона. С 1901 г. заметно изменяются условия передвижения на далёкий восток и водворения на приморской земле, группа старожилов фиксируется юридически и осмысливается не только современными нам исследователями, но и свидетелями описываемых событий, в том числе самими переселенцами, местной и центральной администрацией. Таким образом, предмет исследования локализуется не только во времени и пространстве, но также и в социальной структуре дальневосточного общества XIX – начала XX вв.: "старожилы-стодесятильники". Ограничение географии исследования Приморской областью (в пределах сельскохозяйственной зоны, занимавшей территорию современных Приморского и юга Хабаровского краёв), в обход традиционной "южной части Дальнего Востока", связано с достаточной представительностью избранного региона. Крестьяне-переселенцы расселились от сурового района устья Амура до благоприятного района устья Тумангана, что позволяет рассмотреть особенности функционирования и траектории развития хозяйств в разных и природных, и социальных условиях.

Источниковой базой исследования выступают, во-первых, отчётные документы местной администрации, опубликованные (ежегодные "Обзоры области" [21; 22; 23]) и неопубликованные (ежегодные отчёты окружных начальников и военных губернаторов Приморской области, находящиеся в фондах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока); во-вторых, опубликованные свидетельства современников-наблюдателей, собиравших информацию, занимая административные должности в регионе [5; 15; 16; 19; 26; 30] или находясь здесь в творческих командировках [10; 18]; в-третьих, данные из работ современных исследователей, цитирующие недоступные автору архивные материалы и другие источники. В результате мы имеем очень разнородный по происхождению и качеству массив данных, однако работу с ним упрощает тот факт, что большая часть анализируемой информации представлена не в количественной, а в качественной форме: из пяти критериев только в одном случае я анализирую цифровые значения избранного критерия. Что же касается собственно количественных данных, то они берутся из одной группы источников (официальной отчётности), а это

имеет значение в отношении преемственности способов сбора информации и, следовательно, сопоставимости данных.

Степень разработанности предмета исследования явно недостаточна, исторические исследования по проблемам аграрного/крестьянского переселения, водворения, по вопросам хозяйственного освоения юга Дальнего Востока до сих пор имеют преимущественно описательный характер; по высоте теоретического обобщения работы советского времени (например [12]) до сих пор остаются непревзойдёнными. Работы представителей советской школы всё ещё определяют горизонт исследований по рассматриваемой и смежным проблемам [1; 24], однако заметны попытки обновить концептуальный аппарат историко-аграрных исследований с использованием подходов как не-марксистской отечественной, так и современной экономической науки [8; 27]. Вопрос взаимодействия норм переселения и хозяйственной практики в современной литературе по истории Дальнего Востока в рассматриваемом аспекте (разд. Предмет и структура исследования) не решается, хотя по отдельности эти сюжеты устойчиво привлекают внимание исследователей.

Базовые понятия и критерии анализа. Экономический словарь Рутледж определяет "экономическое развитие" следующим образом: "1) Движение экономики от сельского хозяйства, использующего простые технологии, к промышленному производству и спектру услуг, использующих современные технологии; 2) Совокупный рост доходов на душу населения, сопровождающийся структурными и институциональными изменениями" [31, p. 118]. Данное определение снабжает нас некоторыми инструментами, но и требует адаптации к предмету исследования. Экономическое развитие, во-первых, подразумевает трансформацию форм хозяйства, сопровождаемую совершенствованием методов, во-вторых, рост доходов и, надо полагать, рост уровня жизни¹. С учётом того, что исследование посвящено изменениям в аграрной сфере, диапазон развития ограничен по сравнению с представленным в определении, вместе с тем уже само появление русского крестьянского хозяйства в Приамурье² можно расценивать как акт "движения экономики" от преимущественно доземледельческих форм хозяйства к массовому земледельческому хозяйству на данной территории. Соответственно переменам в типе хозяйства изменяются и развиваются технологии, соответственно развитию производства растёт и уровень жизни населения.

Вместе с тем справедливо было бы ориентировать фокус рассмотрения не на смену типов хозяйства, формаций и проч., а на развитие внутри одного типа, формации. Иначе говоря, переселение должно инициировать развитие самого крестьянского хозяйства на новых территориях – его количественное (в т. ч. занятие территории) и качественное (изменение структуры и возможности изменения типа хозяйства) развитие. Земледельческое хозяйство воплощается в "земле, труде и капитале", а формы и способы взаимодействия этих элементов характеризуют структуру хозяйства [16, с. 77], см. также [7, с. 10–11; 17, с. 19–21]. Отсюда количественные и качественные изменения земли, труда и капитала как таковых и изменения их соотношения создают потенциал развития хозяйства. Таким образом, в качестве критериев развития крестьянского переселенческого хозяйства и связанных с ним критериев развития Приморской области второй половины XIX в. как сельскохозяйственного региона установим следующее:

А) *рост площади реально используемой земли*, что подразумевает развитие возможностей отдельных хозяйств и аграрной экономики в целом (единица учёта и анализа – отношение площади данного хозяйства к количеству членов хозяйства);

Б) *рост частного крестьянского землевладения*, что подразумевает развитие социально-экономических отношений, создаёт возможности перехо-

¹ Расчёт изменения уровня доходов и, соответственно, уровня жизни, особенно в условиях XIX в., есть специфическая задача, не решаемая в данной работе, но которой должно быть посвящено отдельное исследование.

² Этот регион с XVII в. испытывал недостаток земледельческого населения как результат русско-маньчжурских войн второй половины столетия [12, с. 78].

да к капиталистическому хозяйству (единица учёта и анализа – количество десятин в собственности крестьян);

В) *прогресс методов труда*, что подразумевает технологическое развитие хозяйства, рост производительности труда как предпосылку индикатора "б" (единица учёта и анализа – наличие практики массового использования нетипичных до переселения методов труда);

Г) *трансформация способов организации сельского труда*, что подразумевает складывание новых организационных форм крестьянского труда, отличных от традиционных: семьи, соседских артелей и проч. (единица учёта и анализа – факт распространения нетрадиционных способов организации труда);

Д) *привлечение внешних источников финансирования в хозяйства*, что подразумевает использование хозяевами денежных (и иных) поступлений извне для капиталовложений (единица учёта и анализа – наличие практики широкого привлечения внешних источников финансирования).

Опыт реализации переселенческого законодательства

Для того чтобы оценить развитие аграрного сектора приморской экономики на примере крестьян (помимо которых в этой сфере были как минимум казаки и корейцы), рассмотрим подекадные результаты, опираясь на сформулированные выше критерии. Учитывая, что на территории области в изучаемый период действовали два нормативных режима [2]³, данные сразу будут сгруппированы соответствующим образом (*табл. 1 и табл. 2*). В интересах совместимости показателей исследуемых периодов для критерия "рост площади реально используемой земли" данные взяты из одного источника: отчётов окружных или областной администраций.

Оценка связи режимов переселенческой политики с развитием крестьянских хозяйств осложняется неравенством исходных условий существования крестьянских хозяйств в амурских округах области и в южно-уссурийских: природных, транспортных и т. п. [4]. Это означает: нормативный режим не являлся единственным, и потенциально – не являлся наиболее значимым, фактором развития хозяйства в регионе. Режим 1859/1861 гг., действовавший в амурских округах, напомню, имел следующие характеристики: свобода выбора мест водворения, коллективный (семейный) характер землеобеспечения, бесплатное использование государственной земли, возможность приобретения земли в частную собственность, высокая ставка землеобеспечения [2, с. 11]. Режим 1866/1882 гг., действовавший в Южно-Уссурийском крае, добавлял к этому денежную и материальную помощь и организацию переезда на другой конец страны [2, с. 12].

Итоги **первого десятилетия** освоения Амура в пределах области показывают наличие здесь традиционного русского крестьянского хозяйства (*табл. 1, стрк. 1*), которое, однако, стабильностью не отличалось. Известно, что урожайный 1867 г. не обеспечил крестьян Софийского округа продовольствием сполна, а неурожайный 1868 г. обеспечил производителей на 1/5; недостаток хлеба покрывался казённой натуральной помощью и хлебными займами⁴ [11, с. 254–255]. Последний факт примечателен, поскольку в одном отношении снимает разницу между выявленными нормативными режимами: хозяйства общего режима также получали материальную помощь от власти, как и хозяйства специального режима. Ханкайский округ в это же время производил избыток хлеба, который, однако, не покрывал нужд области в продовольствии [11, с. 78]. Политика правительственной компенсации ущерба хозяйствам от природной стихии привела к тому, что к 1870 г. у крестьян Аввакумовского округа образовался хронический долг перед государством и сохранялся он до 1882 г. [1, с. 74–75]. Первые итоги действия режима 1866/1882 гг.

³ Режим 1859/1861 гг. с дополнениями распространялся на территорию Амурской и Приморской областей, режим 1866/1882 г. с дополнениями распространялся на территорию Южно-Уссурийского края Приморской области.

⁴ У меня есть сомнения насчёт правильной атрибуции уже водворившихся крестьян в качестве переселенцев, а значит и определение этой (и для многих других случаев) государственной помощи крестьянам именно как переселенцам. Вопрос границ (в том числе хронологических) статуса переселенца на данном материале до сих пор не исследован с достаточной точностью.

Таблица 1. Показатели развития крестьянских хозяйств Приморской области во второй половине XIX в. в условиях нормативного режима 1859/1861 гг.
Table 1. Indicators of the development of peasant farms in the Maritime Province in the second half of the XIXth century under the regulatory regime of 1859/1861

Рубежи десятилетий		Критерии развития хозяйств ^{а)}				
		А	Б	В	Г	Д
1	60-х – 70 х	0,58 ^{б)}	нет	нет	нет	нет
2	70-х – 80-х	1,18 ^{в), е)}	нет	нет	нет	нет
3	80-х – 90-х	0,66 ^{г)}	нет	нет	нет	нет
4	90-х – 00-х	0,33 ^{д)}	не определено	есть	нет	нет?

Примечания:

а) содержание критериев см. раздел 1.3 статьи;

б) на 1869 г.;

в) на 1879 г.;

г) на 1891 г.;

д) на 1899 г.

е) Рассчитано по: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, далее РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 745. Л. 101, 103, 105, 111.

Источник: составлено или рассчитано автором по: [11, с. 255, 262, 264, 269–270; 13, с. 75, 92; 21, с. 2].

Source: compiled or calculated by the author according to: [11, p. 255, 262, 264, 269-270; 13, p. 75, 92; 21, p. 2].

дают сходные результаты (*табл. 2, стрк. 1*) с действием общего режима, хотя для разных территорий самого южного края итоги всё же отличаются.

Отчёты военного губернатора Приморской области **конца 70-х гг.** чётко разделяют амурский и уссурийский сельскохозяйственные районы, в первом из которых крестьянские хозяйства вынужденно многоотраслевые (основные отрасли: хлебопашество, извоз, охота и рыболовство) по причине неблагоприятности природных условий для развития полевого хозяйства (**Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, далее РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 634. Л. 298 об. – 299**). Южный район для развития аграрного потенциала испытывает недостаток труда, имея условия для "развития в больших размерах скотоводства, огородничества и отчасти садоводства" (**РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 634. Л. 299**). Из данных *табл. 1 (стрк. 2) и табл. 2 (стрк. 2)* можно видеть несомненные успехи полеводства на исходе второго десятилетия: площадь реально используемых земельных участков в пересчёте на душу населения растёт в обоих регионах. Остальные индикаторы ничего не показывают по нескольким причинам. Во-первых, привлекательно высокая земельная норма и очень широкие права по использованию государственной земли не стимулировали интерес крестьян к покупке земельных угодий [**13, с. 75**]. Во-вторых, свобода выбора мест водворения и возможность переселения внутри Приамурья на правах переселенцев вели к тому, что крестьяне устремились из амурских территорий в уссурийские, получая материальную помощь для обустройства на новом месте; этим они существенно продлевали статус переселенцев и затягивали срок становления хозяйства: "Переселенцы Приморской Области не редко меняли места поселения... и далеко не все могут почитаться прочно водворившимися" (**РГИА ДВ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Л. 58**). Всё это оставляло техническое и организационное развитие хозяйства на прежнем уровне [**13, с. 92**]. Положение многих хозяйств по Нижнему Амуру в 70-е гг. так и не улучшилось: по свидетельству старшины с. Троицкого (1880 г.), крестьяне Софийского округа, не имея возможности дополнительного заработка, в попытках накормить семью разоряют хозяйства, продавая скот (**РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 745. Л. 227–227 об.**). Таким образом можно видеть, что правила переселения, будучи привлекательными по идее, на практике имели противоречивые следствия.

Таблица 2. Показатели развития крестьянских хозяйств Приморской области во второй половине XIX в. в условиях нормативного режима 1866/1882 гг.
Table 2. Indicators of the development of peasant farms in the Maritime Province in the second half of the XIXth century under the regulatory regime of 1866/1882

Рубежи десятилетий		Критерии развития хозяйств ^{а)}				
		А	Б	В	Г	Д
1	60-х – 70-х	0,92 ^{б)}	нет	нет	нет	есть
2	70-х – 80-х	1,41 ^{в), е)}	нет	нет	нет	есть
3	80-х – 90-х	1,48 ^{г)}	нет	нет	есть?	есть
4	90-х – 00-х	1,59 ^{д)}	4839 ^{д)}	есть	есть?	есть

Примечания:

а) содержание критериев см. раздел 1.3;

б) на 1869 г.;

в) на 1879 г.;

г) на 1891 г.;

д) на 1899 г.

е) Приведены только данные по неблагополучному Аввакумовскому округу (в районе залива Ольги). Рассчитано по: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 745. Л. 276 об.–277.

Источник: составлено или рассчитано автором по: [11, с. 298; 13, с. 75; 21, с. 2; 22, с. 6–7; 26, с. 41, 111].

Source: compiled or calculated by the author according to: [11, p. 255, 262, 264, 269-270; 13, p. 75, 92; 21, p. 2].

Итоги третьего десятилетия (табл. 1, стрк. 3; табл. 2, стрк. 3) показывают интересную тенденцию развития землепользования в рассматриваемых регионах: в северном регионе размеры пашни уменьшаются, а в южном продолжают расти. Последний факт можно объяснить намечающейся хозяйственной специализацией амурских территорий, памятуя о специфичном многоотраслевом хозяйстве поамурских крестьян, закрепившемся ещё в предыдущую декаду. В Обзоре Приморской области за 1891 г. читаем: "Способ ведения земледельческого хозяйства попрежнему остается первобытным: удобрения пашен не существует..." [21, с. 2]. Этот факт легко объяснить земельным простором переселенцев, сохранившимся в южном крае до девяностых или нулевых годов. Избыток земли ещё в 90-е позволял вести переложную систему землепользования [15, с. 13–15].

По официальным данным в крестьянских хозяйствах юга использовали наёмный труд, но только во время уборки урожая, причём рабочие руки настолько ценились, что переселенцы-новосёлы в страду могли заработать продовольствия на целый год, а некоторые имели избыток для продажи [21, с. 4]. Оплата производилась в натуральной форме, поскольку основная масса крестьян не имела достаточного количества денег для оплаты труда [10, с. 99], не говоря уже об аренде и покупке земли. В данном случае мы видим предпосылки трансформации способов организации труда, соседствующие с натуральным расчётом за труд, что отражено в данных табл. 2 (ячейка ГЗ). Однако эта подвижка не имеет оснований в нормативных условиях переселения. Наконец, характерная черта режима 1866/1882 гг. – льготы, долженствующие облегчить и само переселение, и хозяйственное обустройство: комментаторы буквально хором твердят о меньшей эффективности "казённокоштных" переселенцев, т. е. полных льготников, по сравнению со "своекоштными", которые переезжали в Уссурийский край за свой счёт и имели меньший объём помощи от Переселенческого управления [5, с. 152; 10, с. 99–101].

Дисциплина водворения переселенцев остаётся прежней – крестьяне (особенно это касается прибывающих за свой счёт), пользуясь свободой выбора мест, долго колеблются, меняют решения, выпадают из-под надзора властей, водворяются с нарушением норм правил 1861 г. [15, с. 123–127].

Наконец **четвёртое десятилетие**, в результате которого оформилось старожильческое население Приморской области. Его итоги отражены в *табл. 1, стрк. 4* и *табл. 2, стрк. 4*. Можно видеть, как расходятся траектории развития земледелия в рассматриваемых регионах (*ячейки А4* в обеих таблицах). По данным 1900 г. амурские крестьяне активно занимались рыболовным промыслом, однако промышленных масштабов он не имел: в Хабаровской округе на рынок было отправлено около 14% улова, для Удской округи нет данных о крестьянской торговле рыбой, она была "упромышленна" для "собственного продовольствия" [23, с. 11]. Вместе с тем сочетание упадка земледелия и роста рыболовства в данный период имеют продолжение в становлении крестьянского хозяйства промыслового типа в начале XX в. [9]. Характерно, что посевы в Удской округе конца XIX в. занимали около 50% разработанных земель, а в Хабаровской и Южно-Уссурийской 75–80% [22, с. 7; 23, с. 4].

Появляется информация о частном крестьянском землевладении в Южно-Уссурийском крае⁵, доля крестьянских земель составляет порядка 33%: из 105 частных участков крестьянских было 38 [14, с. 324] (*табл. 2, ячейка Б4*). В течение 90-х гг. в крестьянской среде распространяется мнение о земельной тесноте, что проявляется в стремлении к надельному размежеванию [25, с. 97–98], росту числа заимок [14, с. 322] и появлению феноменов аренды земли [24, с. 82–83] и крестьянской земельной собственности. Около 1898 г. хозяйства порядка 90% селений Южно-Уссурийского края, не будучи формально выделенными, использовали свой надел без участия общества, по принципу заимки [26, с. 46–47].

Следует отметить массовое технологическое развитие крестьянских хозяйств: по сведениям чиновника Переселенческого управления МВД А. А. Риттиха, все уссурийские крестьяне к 1898 г. для обработки почвы использовали железные плуги, даже не имея их в хозяйстве. Также существовал небольшой спрос на сложные (и дорогостоящие) сельхозмашины; оснащены сельхозоборудованием были хозяйства 42-х из 102-х селений старожилов [26, с. 42–43, 44, 89]. Есть сведения о введении в русские хозяйства южного края восточноазиатских культур [15, с. 47]. Эти обстоятельства позволяют зафиксировать в *ячейке В4 табл. 2* прогресс по данному основанию.

Трансформация способов организации труда (*ячейка Г4*) отчасти проявляется в возникновении хозяйств, использующих кабальную и краткосрочную аренду, что оценивается как проявление капиталистического развития дальневосточной деревни [24, с. 83–84]. Не уверен, что это так, ведь арендаторами в таких хозяйствах были главным образом китайцы, и как таковое крестьянское хозяйство не развивалось, а функционировало в качестве материальной базы многих китайских хозяйств; средства, вырученные таким хозяином-"плантатором", как правило, пускались на потребление [18, с. 111–121]. Следует отметить, что практика передачи государственной надельной земли (неважно как сами крестьяне оценивали её принадлежность) в какую бы то ни было аренду правилами переселения не была предусмотрена⁶, более того, в дискуссиях на тему землеобеспечения переселенцев чиновники использовали термин "трудова́я норма"; всё это ставит под сомнение и легальность, и легитимность крестьянской арендодачи. Интересно отметить, что с середины 90-х гг. приамурской администрацией были разработаны временные правила продажи земли в собственность частным лицам, в соответствии с ними контроль за целевым характером землепользования осуществлялся ещё на этапе покупки (который растягивался по этой причине на продолжительный срок) [30, с. 147–148]. Сложная процедура утверждения земли в собственность была затеяна среди прочего и для того, чтобы не допустить использования земли для передачи её в аренду китайцам и корейцам [30, с. 150], однако сведений об ограничении использования надельных земель для аренды ази-

⁵ К сожалению, я обнаружил только данные по Южно-Уссурийскому краю, однако прямых указаний (как это было на предыдущих этапах) об отсутствии землевладения у амурских крестьян нет.

⁶ По правилам 1861 г. крестьянское общество имело право продать другому обществу (не менее чем из 15 семейств) свой надел целиком, см. [20, с. 683]. Иных вариантов распоряжения надельной землёй как собственной закон не предусматривал.

атам я не обнаружил. Обращаю внимание на факт мотивировки контроля использования передаваемых в частные руки земель "интересами крестьянского населения" [30, с. 151]; с передачей надельной земли в аренду китайцам администрации приходилось мириться⁷, но зато с 1894 г. начинается борьба с таким использованием земли частновладельческой. Налицо своеобразная привилегия крестьян-переселенцев, использующих надельную землю; это не первый случай фиксации особого положения приморских крестьян относительно других групп населения [4, с. 130].

Возможности привлечения крестьянскими хозяйствами внешних источников финансирования (*ячейка Д4*) были крайне ограничены (если не считать ссуды переселенцам на водворение): с одной стороны, заработки (например, в результате продажи зерна военному ведомству или на алкогольное производство [5, с. 146]) чаще всего шли на потребление, а с другой – кредитная сфера достигла в Приморье достаточной для крестьян зрелости только во второй декаде XX в. [29].

Заключение: Способствовали ли нормативные основания переселения экономическому развитию Приамурья?

Успехи экономического развития Приамурья во второй половине XIX в. несомненны, поскольку за это время была создана новая экономика региона, имевшая очень мало общего с экономикой аборигенов и торговцев и отходников из Цинской империи, господствовавшей здесь в середине XIX в. Более того, состоящие крестьянской экономики Приморской области рубежа XIX – XX вв. в терминологии К. П. Космачёва может быть осмыслено как переходное от пионерного к реконструктивному типу освоения [3, с. 5–6], что подразумевает прогрессивное движение, развитие. Вместе с тем проведённый анализ нормативной базы аграрного переселения в контексте реалий хозяйственной жизни не позволяет однозначно положительно оценивать влияние норм переселения на развитие и крестьянских хозяйств, и региона в целом.

В первую очередь следует отметить непоследовательность реализации самих норм: 1) предоставление материальной помощи хозяйствам общего режима переселения (который не предусматривал такой помощи), да ещё и в течение длительного времени, что не предусматривалось даже особым режимом переселения (но также практиковалось в зоне его действия); 2) упрощение механизма наделения землёй путём отказа местной администрации от минимального семейного надела (15/21 дес. на муж. душу) и любых промежуточных в пользу максимального (100 дес.); 3) отсутствие должного надзора за правильным (т. е. соответствующим букве закона) расселением крестьян; 4) выход за рамки правил использования переселенцами государственных надельных земель. Каждое из указанных решений имеет уважительную мотивацию, однако в сумме отклонений формируется альтернативная переселенческая реальность, не похожая на план законодателя.

Анализ практики применения норм переселенческого законодательства в Приморской области второй половины XIX в. демонстрирует сложную структуру факторов развития крестьянских хозяйств и неоднозначную роль в нём норм переселенческого законодательства. Наиболее часто и последовательно прослеживается связь высокой земельной нормы с критерием частного крестьянского землевладения и с критерием прогресса методов труда; эти связи отрицательны по обоим нормативным режимам, то есть щедрость государства на землю переселенцам тормозила развитие их хозяйств по каждому из оснований анализа. Похожую роль играли широкие права и льготы в отношении использования надельных земель. Право собственности на землю оказывается востребованным только в 90-е гг. в южном, плотно заселяемом, земледельческом районе. Активно использовались льготы, положенные режимом 1866/1882 гг. На всём протяжении изучаемого периода они оказывали положительное влияние на развитие хозяйств переселенцев, однако не все использовали эту возможность по назна-

⁷ Администрация была озабочена этой ситуацией, но предпринимала только косвенные меры, такие как выселение китайцев с территории, предназначенной для переселенцев [28, с. 182].

чению: переселенцы начала 80-х, прибывшие и полностью обеспеченные за счёт государства, часто тратили материальную помощь хозяйствам на личное потребление. Наконец, ещё одной влиятельной нормой переселенческого законодательства была свобода выбора места водворения: в каждом из рассматриваемых регионов/режимов переселенцы, пользуясь этой нормой, иногда не раз переносили ещё неустоявшиеся хозяйства, что негативно влияло и на сроки их стабилизации, и на темпы их развития. Очевидно, что перечисленные выше нормы были самыми привлекательными в правилах переселения, и свою роль приманки людей на удалённую окраину они выполнили; однако экономическая роль этих норм уже на месте водворения проявилась не так, как, видимо, задумывалось законодателем. То, что привлекало потенциальных переселенцев в Приамурье ещё на местах выхода, не способствовало развитию хозяйств на местах вселения, а в некоторых случаях крепко консервировало их.

За рамками обсуждения остались такие особенности режимов переселения и водворения: семейный порядок водворения (режим 1859/1861), одноразовый выбор переселенцами места водворения, минимальная цена на покупаемую землю и максимальный размер участка, покупаемого в собственность (режим 1866/1882, а точнее дополнения 1892 г.). Как таковая норма семейного порядка водворения мало сказалась на экономическом развитии хозяйств в силу земельного простора и, таким образом, на возможности создавать организационно автономные хозяйства даже в составе общинного надела. Кроме того, долгое время русские переселенцы в интересах безопасности в новом крае стремились жить как можно теснее, что нивелировало значение норматива. Наконец, сама реализация этой директивы хромала: контролировать возникновение крестьянских селений администрация не имела возможности. Это же обстоятельство нейтрализовало строгость нормы 1892 г. об обязательном закреплении переселенческого участка за определённым владельцем. Иные дополнения 1892 г. в практике крестьян в какой-то степени конфликтовали с правилами 1861 г., а именно: земельный простор переселенцев (который оставался реальностью многих хозяйств до середины–конца 90-х гг. и даже далее) откладывал вопрос покупки земель на неопределённое будущее.

Итак, крестьянское переселение позволило правительству в течение второй половины XIX в. сформировать на относительно небольшом участке крайнего востока империи устойчивое земледельческое население, которое не только стало хозяйственно самостоятельным, но также было надёжным тылом войск: политически лояльным, способным отчасти нести тяжесть снабжения армии продовольствием, частично обеспечивать транспортное обслуживание и т. д. Как бы мы ни смотрели на развитие Дальнего Востока сегодня, по крайней мере на протяжении XIX в. он имел для правительства не экономическое, а политическое значение [19, с. 77]; проведённое исследование демонстрирует этот факт вполне. На вопрос, вынесенный в заголовок данного раздела, я бы ответил в стиле приамурского генерал-губернатора А. Н. Корфа: нормативные условия переселения были, безусловно, полезными, *но не сплошь*, и их избирательное и непоследовательное применение приморской областной администрацией принесло не только благо, но и вред развитию региона. Впрочем, оценка точной, последовательной (и гипотетической, конечно!) реализации плана законодателя до сих пор не сделана: наше академическое сообщество не вполне доверяет жанру контрфактической истории.

Литература

1. Аргудяева Ю. В. Этническая и этнокультурная история русских на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Кн. 1. Крестьяне. Владивосток: ДВО РАН, 2006. 312 с.
2. Барбенко Я. А. Динамика переселенческого законодательства в Приамурском крае во второй половине XIX в. // Известия Восточного института. 2018. № 4. С. 6–18. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-4/6-18.
3. Барбенко Я. А. Дистанция, колонизация, насыщение, освоение: крестьяне-переселенцы в Приамурье // Предварительные материалы круглого стола ""Колонизация" и/или "освоение": что нам делать с избытком терминологии?" С. 4–6 // Официальный сайт журнала "Ойкумена. Регио-

новедческие исследования". URL: http://ojkum.ru/images/news/kolon_materialy.pdf (дата обращения: 13.08.2018).

4. Барбенко Я. А. Крестьянское расселение в Приморской области как часть русской колонизации Приамурья во второй половине XIX в. Диссертация... канд. ист. наук. Владивосток, 2010. 276 л.

5. Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 годах. СПб.: б. и., 1896. IV, 166, 57 с.

6. Грум-Гржимайло Г. Е. Описание Амурской области / Ред. П. П. Семенов. СПб.: б. и., 1894. V, 639, VIII с.

7. Доклад о мировом развитии 2008: Сельское хозяйство на службе развития. Обзор / Международный банк реконструкции и развития; Всемирный банк. Вашингтон: б. и., 2007. VIII, 31 с. URL: <https://www.un.org/ru/development/surveys/docs/worlddev2008.pdf> (дата обращения: 12.07.2021).

8. Дятлова Л. А. Эволюция крестьянского хозяйства на Нижнем Амуре: влияние природных и социально-экономических условий // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 2. С. 17–27. DOI: 10.14530/reg.2014.2.

9. Дятлова Л. А. Крестьянское хозяйство в контексте территориальной организации экономики Нижнего Амура начала XX века // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 2. С. 21–36. DOI: 10.14530/reg.2015.2.

10. Елисеев А. Южно-Уссурийский край и его русская колонизация // Русский Вестник. 1891. № 10 (т. 216). С. 78–113.

11. Из предыстории сахалинской каторги. При-амурская комиссия генерал-адъютанта И. Г. Сколкова (1869–1870 гг.) / Сост. В. М. Латышев, Г. И. Дударец. Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. краевед. музей, 2015. 460 с.

12. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – 1917 г.) / А. Р. Артемьев и др., отв. ред. А. И. Крушанов. М.: Наука, 1990. 471 с.

13. Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917). Историко-демографический очерк. М.: Наука, 1985. 264 с.

14. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом / Комитет Сибирской железной дороги. СПб.: Канцелярия Комитета министров, 1900. X, 376 с.

15. Крюков Н. А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей. М.: б. и., 1896. 214 с. (Записки Приамурского отделения Императорского Русского географического общества; Т. II, вып. II)

16. Людоговский А. П. Основы сельскохозяйственной экономики и сельскохозяйственного счетоводства: опыт руководства для практических хозяев, земледельческих и реальных училищ и в пособие при занятиях студентов высших учебных заведений. СПб.: издание А. Ф. Девриена, 1875. VIII, 488 с.

17. Маслов П. Аграрный вопрос в России. М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. IV, 431, 5 с.

18. Муров Г. Т. Люди и нравы Дальнего Востока. От Владивостока до Хабаровска (путевой дневник). Томск: б. и., 1901. II, 161 с.

19. Надаров Ив. Второй Хабаровский съезд 1886 года / Приамурский генерал-губернатор. Владивосток: б. и., 1886. 79 с.

20. О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXVI. Отделение первое. 1861. Ст. 36928. СПб.: б. и., 1863. 1058 с. С. 682–685.

21. Обзор Приморской области за 1891 год: Приложение к Всеподданнейшему отчету / Приморское обл. правление. Владивосток: б. и., 1892. 39 с.

22. Обзор Приморской области за 1899 год: Приложение к Всеподданнейшему отчету / Приморское обл. правление. Владивосток: б. и., 1901. 96 с.

23. Обзор Приморской области за 1900 год: Приложение к Всеподданнейшему отчету / Приморское обл. правление. Владивосток: б. и., 1902. 96 с.

24. Осипов Ю. Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России 1855–1917 гг. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. 196 с.

25. Польская Е. В., Стасюкевич С. М. Частная собственность на землю на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX века // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2012. № 3. С. 91–101.

26. Риттих А. А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. Отчет по командировке чиновника особых поручений Переселенческого Управления / Переселенческое управление МВД. СПб.: б. и., 1899. [2], 160 с.

27. Рыжова Н. П., Гузей Я. С., Карбаинов Н. И. Институт собственности на землю: захваты, "ресурсное изобилие" и особенности инфорсменты на российском Дальнем Востоке // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 114–122. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/114-122.

28. Сорокина Т. Н. "...Земля "как пух", говорят новоселы": выселение оседлых китайцев из Южно-Уссурийского края на рубеже XIX – XX вв. // Колонизация Азиатской России (XIX – начало XX вв.): институции и практики: материалы региональной научной конференции (Омск, 24–25 декабря 2013 г.). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. 196 с. С. 178–192.

29. Троицкая Н. А. Кредитные учреждения на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник ТГЭУ. 2006. № 4. С. 76–86.
30. Унтербергер П. Ф. Приморская область. 1858–1898 гг / ред. И. И. Бок. СПб.: б. и., 1900. VIII, 324, XX с. (Записки Императорского Русского географического общества по отделению статистики. Т. VIII. Вып. II).
31. Rutherford D. Routledge Dictionary of Economics. London; New York: Routledge, 2005. VII, 490 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Argudyaeva YU. V. Ehtnicheskaya i ehtnokul'turnaya istoriya russkikh na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo KHKH v.). Kn. 1. Krest'yane. Vladivostok: DVO RAN, 2006. 312 s.
2. Barbenko YA. A. Dinamika pereselencheskogo zakonodatel'stva v Priamurskom krae vo vtoroj polovine XIX v. // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2018. № 4. S. 6–18. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-4/6-18.
3. Barbenko YA. A. Distantsiya, kolonizatsiya, nasyshhenie, osvoinie: krest'yane-pereselentsy v Priamur'e // Predvaritel'nye materialy kruglogo stola ""Kolonizatsiya" i/ili "osvoinie": chto nam delat' s izbytkom terminologii?" S. 4–6 // Ofitsial'nyj sayt zhurnala "Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya". URL: http://ojkum.ru/images/news/olon_materialy.pdf (data obrashheniya: 13.08.2018).
4. Barbenko YA. A. Krest'yanskoe rasselenie v Primorskoj oblasti kak chast' russkoj kolonizatsii Priamur'ya vo vtoroj polovine XIX v. Dissertatsiya... kand. ist. nauk. Vladivostok, 2010. 276 l.
5. Busse F. F. Pereselenie krest'yan morem v YUzhno-Ussurijskij kraj v 1883–1893 godakh. SPb.: b. i., 1896. IV, 166, 57 s.
6. Grum-Grzhimajlo G. E. Opisanie Amurskoj oblasti / Red. P. P. Semenov. SPb.: b. i., 1894. V, 639, VIII s.
7. Doklad o mirovom razvitii 2008: Sel'skoe khozyajstvo na sluzhbe razvitiya. Obzor / Mezhdunarodnyj bank rekonstruktsii i razvitiya; Vsemirnyj bank. Vashington: b. i., 2007. VIII, 31 s. URL: <https://www.un.org/ru/development/surveys/docs/worlddev2008.pdf> (data obrashheniya: 12.07.2021).
8. Dyatlova L. A. EHvolyutsiya krest'yanskogo khozyajstva na Nizhnem Amure: vliyanie prirodnykh i sotsial'no-ehkonomicheskikh uslovij // Regionalistika. 2014. T. 1. № 2. S. 17–27. DOI: 10.14530/reg.2014.2.
9. Dyatlova L. A. Krest'yanskoe khozyajstvo v kontekste territorial'noj organizatsii ehkonomiki Nizhnego Amura nachala KHKH veka // Regionalistika. 2015. T. 2. № 2. S. 21–36. DOI: 10.14530/reg.2015.2.
10. Eliseev A. YUzhno-Ussurijskij kraj i ego russkaya kolonizatsiya // Russkij Vestnik. 1891. № 10 (t. 216). S. 78–113.
11. Iz predystorii sakhalinskoj katorgi. Pri-amurskaya komissiya general-ad'yutanta I. G. Skolkova (1869–1870 gg.) / Sost. V. M. Latyshev, G. I. Dudarets. YUzhno-Sakhalinsk: Sakhalin. obl. kraeved. muzej, 2015. 460 s.
12. Istoriya Dal'nego Vostoka SSSR v ehpokhu feodalizma i kapitalizma (XVII v. – 1917 g.) / A. R. Artem'ev i dr., otv. red. A. I. Krushanov. M.: Nauka, 1990. 471 s.
13. Kabuzan V. M. Dal'nevostochnyj kraj v XVII – nachale KHKH vv. (1640–1917). Istoriko-demograficheskij ocherk. M.: Nauka, 1985. 264 s.
14. Kolonizatsiya Sibiri v svyazi s obshhim pereselencheskim voprosom / Komitet Sibirskoj zheleznoj dorogi. SPb.: Kantselyariya Komiteta ministrov, 1900. X, 376 s.
15. Kryukov N. A. Opyt opisaniya zemlepol'zovaniya u krest'yan-pereselentsev Amurskoj i Primorskoj oblastej. M.: b. i., 1896. 214 s. (Zapiski Priamurskogo otdeleniya Imperatorskago Russkago geografskago obshhestva; T. II, vyp. II)
16. Lyudogovskij A. P. Osnovy sel'skokhozyajstvennoj ehkonomii i sel'skokhozyajstvennogo schetovodstva: opyt rukovodstva dlya prakticheskikh khozyaev, zemledel'cheskikh i real'nykh uchilishh i v posobie pri zanyatiyakh studentov vysshikh uchebnykh zavedenij. SPb.: izdanie A. F. Devriena, 1875. VIII, 488 s.
17. Maslov P. Agrarnyj vopros v Rossii. M.-L.: Gos. izd-vo, 1926. IV, 431, 5 s.
18. Murov G. T. Lyudi i nravy Dal'nego Vostoka. Ot Vladivostoka do Khabarovska (putevoj dnevnik). Tomsk: b. i., 1901. II, 161 s.
19. Nadarov Iv. Vtoroj Khabarovskij s'ezd 1886 goda / Priamurskij general-gubernator. Vladivostok: b. i., 1886. 79 s.
20. O pravilakh dlya poseleniya russkikh i inostrantsev v Amurskoj i Primorskoj oblastyakh Vostochnoj Sibiri // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. XXXVI. Otdelenie pervoe. 1861. St. 36928. SPb.: b. i., 1863. 1058 s. S. 682–685.
21. Obzor Primorskoj oblasti za 1891 god: Prilozhenie k Vsepoddannejšemu otchetu / Primorskoe obl. pravlenie. Vladivostok: b. i., 1892. 39 s.
22. Obzor Primorskoj oblasti za 1899 god: Prilozhenie k Vsepoddannejšemu otchetu / Primorskoe obl. pravlenie. Vladivostok: b. i., 1901. 96 s.

23. Obzor Primorskoj oblasti za 1900 god: Prilozhenie k Vsepoddannejšemu otchetu / Primorskoe obl. pravlenie. Vladivostok: b. i., 1902. 96 s.
24. Osipov YU. N. Krest'yanе-starozhily Dal'nego Vostoka Rossii 1855–1917 gg. Vladivostok: Izd-vo VGUEHS, 2006. 196 s.
25. Pol'skaya E. V., Stasyukevich S. M. CHastnaya sobstvennost' na zemlyu na Dal'nem Vostoke Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka // Vestnik LGU im. A. S. Pushkina. 2012. № 3. S. 91–101.
26. Rittikh A. A. Pereselencheskoe i krest'yanskoe delo v YUzhno-Ussurijskom kraе. Otchet po komandirovke chinovnika osobykh poruchenij Pereselencheskago Upravleniya / Pereselencheskoe upravlenie MVD. SPb.: b. i., 1899. [2], 160 s.
27. Ryzhova N. P., Guzej YA. S., Karbainov N. I. Institut sobstvennosti na zemlyu: zakhvaty, "resursnoe izobilie" i osobennosti informenta na rossijskom Dal'nem Vostoke // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2019. № 1. S. 114–122. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/114-122.
28. Sorokina T. N. "...Zemlya "kak pukh", govoryat novosely": vyselenie osedlykh kitajtsev iz YUzhno-Ussurijskogo kraя na rubezhe XIX – XX vv. // Kolonizatsiya Aziatskoj Rossii (XIX – nachalo XX vv.): institutsii i praktiki: materialy regional'noj nauchnoj konferentsii (Omsk, 24–25 dekabrya 2013 g.). Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2013. 196 s. S. 178–192.
29. Troitskaya N. A. Kreditnye uchrezhdeniya na rossijskom Dal'nem Vostoke vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. // Vestnik TGEHU. 2006. № 4. S. 76–86.
30. Unterberger P. F. Primorskaya oblast'. 1858–1898 gg / red. I. I. Bok. SPb.: b. i., 1900. VIII, 324, XX s. (Zapiski Imperatorskago Russkago geograficheskago obshhestva po otdeleniyu statistiki. T. VIII. Vyp. II).
31. Rutherford D. Routledge Dictionary of Economics. London; New York: Routledge, 2005. VII, 490 p.

Информация об авторе

Ярослав Александрович Барбенко, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, e-mail: prohist@ya.ru

Information about the author

Yaroslav A. Barbenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: prohist@ya.ru

Поступила в редакцию
(Received) 19.01.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 03.05.2022

Принята к публикации
(Accepted) 16.05.2022